

Кащей Николай Александрович

д-р филос. наук, профессор, заведующий кафедрой

ФГБОУ ВО «Новгородский государственный

университет им. Я. Мудрого»

г. Великий Новгород, Новгородская область

РИТОРИКА И ОБРАЗОВАНИЕ (НА ПРИМЕРЕ ЦИЦЕРОНА)

Аннотация: данная статья посвящена определению места риторики в социально-политической жизни древнеримского общества. Риторика рассматривается как инструмент социально-политического самоутверждения и воспитания совершенного гражданина, эти ее функциональные характеристики иллюстрируются на примере риторической концепции Цицерона.

Ключевые слова: образование, власть, риторика, мнение, риторическое самоутверждение.

Идею человеческой общности, основанной на риторике, мы обнаруживаем в древнеримской культуре у Цицерона, она вытекает из его понимания отношений риторики и философии. Такая риторика выступает ничем иным как средством формирования мнения в политике и социальной практике. Практический потенциал разума, который проявляется в обсуждении и истолковании конкретного положения вещей, скорее всего можно будет игнорировать.

В противовес аристотелевскому диктуму: «Ведь может оказаться, что большинство, из которого каждый сам по себе и не является дальенным, объединившись, окажется лучше тех, не порознь, но в своей совокупности ... ведь так как большинство включает в себя много людей, то, возможно, в каждом из них, взятом в отдельности, и заключается известная доля добродетели и рассудительности; а когда эти люди объединяются, то из многих получается как бы один человек, у которого много и рук, много и ног, много и восприятий ... Вот почему большинство лучше судит ...» [1, 1281b], Цицерон доверят отдельному «совершенному» оратору, а также его «moderatio et sapientia». Если Аристотель обращается к плюрализму мнений, к речевым вкладам каждого участника, которые

обрисовывают общие контуры практического решения и высвечивают его значимые контекстуальные моменты, как основополагающему условию политической разумности, то цицероновский оратор должен репрезентировать весь контекст как единое целое. Если Аристотель предоставляет участникам, чтобы они выясняли риторическими средствами, что собой представляет благоразумное в соответствующей ситуации, Цицероном же подразумевается риторическая рациональность, которая порождается в дебатах: «при этом обсуждать всякий вопрос с противоположных точек зрения и из каждого обстоятельства извлекать доводы наиболее правдоподобны» [3, I/34], и как целое – не только этически – обеспечивается этим совершенным оратором. Как средство ориентации и коммуникативная конфигурация риторическое, как техника в греческом смысле слова, решительно трансформируется: производительность ораторов фокусируется сейчас в искусстве ораторики, оратор становится высшим проявлением культуры эпохи.

Этому оратору систематически предъявляются сверхтребования, более того остается абсолютно невыясненным, чем обусловлена его обширная компетенция в сфере практики. Она, во всяком случае, не может вытекать из политической практики, так как собственный порядок и основания последней обязаны влиянию упомянутой риторики. Следовательно, за этой риторической компетенцией оратора лежат основания, находящиеся вне сферы практики, он должен всегда представлять доказательства релевантности практики в каждом конкретном случае. Если это, однако, так, то так называемая риторическая компетенция, очевидно, теряет прозрачность: *moderatio et sapientia* оратора могут и не находить практическое решение, если их нужно всякий раз доказывать. Их способ проявления не более чем возможность, а убедительность принципиально проблематична.

Обширный гуманистический идеал воспитания, который должен способствовать уважению и поддержке риторики после ее платоновской критики, не только должен соответствовать этим чаяниям, но и удерживать риторику в пространстве решения политического и практического круга задач, в то время как она объявляется как таковой носителем культуры. На место политики как ведущей целенаправленности риторики приходит образование.

Таким образом, становится также понятным, почему с реабилитацией софистической риторики связывается надежда на восстановление «*consensus doctrinarum*», соответственно и гармонизация всех наук, и ее значимость: «Ибо как только постигается сущность того учения, которое объясняет причину и цель вещей, тотчас открывается некое удивительное согласие и созвучие всех наук» [2, III/6]. Восстановление красноречия намечено Цицероном именно как всеобъемлющее: «ведь подлинная сила красноречия в том, что оно постигает начало, сущность и развитие всех вещей, достоинств, обязанностей, всех законов природы, управляющей человеческими нравами, мышлением и жизнью; определяет обычаи, законы, права, руководит государством и умеет что угодно и о чем угодно высказать красиво и обильно» [2, III/20].

В таком понимании риторики упомянутое обещание связи практики с науками, по всей видимости, призвано увязывать различные контексты деятельности. В действительности, однако, это только возмещение. Между космополитической культурной перспективой и конкретным действием зияет концептуальный пробел, который не может ликвидировать подобное понимание риторики. Причина этого лежит не в последнюю очередь в пренебрежении к эффективности мнений, которые связывали у Аристотеля сверхиндивидуальные перспективы в сфере практики с конкретным действием отдельной личности, выступая инстанцией посредничества. Категория мнения становится у Цицерона не только афункциональной. Более того, оратор постоянно находится в оппозиции к циркулирующим мнениям: «А как раз доводы, которыми орудуют у нас на форуме, полны крючкотворства, бранливости, жалки, ничтожны и всецело потакают вкусам толпы» [2, III/24]. Под давлением мнений, не только широкой массы, но и людей, которые получили лишь поверхностное образование, образовательная риторическая программа способна лишиться содержания и даже быть дискредитированной: «а эти новые наставники, как я убедился, неспособны учить ничему, кроме дерзости, а это свойство, даже в применении к хорошим действиям, само по себе должно быть усиленно избегаемо» [2, III/24]. Сомните-

тельно, чтобы такого рода претенциозная риторика в состоянии выступать в качестве средства практического посредничества, она постоянно стоит перед задачей соответствовать собственным требованиям и идеалам, которые необходимо всякий раз доказывать.

Оба эти момента, демократия и ее риторическая ангажированность, способствуют тому, чтобы опять обратиться к аристотелевскому пониманию практического благоразумия с его принципиально понятным риторическим строением публичности. Риторически направленный обмен мнениями в его глубинном понимании нужно идентифицировать не просто с дебатами, а должен процесс производства мнений выступать средством ориентации совместной деятельности, который в своей непрерывности порождает определенную стабильность и надежность общих условий. Требуемая относительная стабильность в сфере практических отношений обуславливает основную приемлемость учреждающего их порядка и также институты, которые воплощают этот порядок. Однако, эту приемлемость предоставляют и недемократические государства, но это уже объект исследования для другой статьи.

Список литературы

1. Аристотель. Политика // Аристотель. Полн. собр. соч.: В 4-х т. Т. 3. Политика. – М.: Наука, 1978.
2. Цицерон М.Т. Об ораторе // М.Т. Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве. – М., 1972.